

Осень 2023 года. Нань И, только что закончивший вечерние занятия в старшей школе, отпраздновал свой «18-й день рождения» в компании родителей, на год раньше срока.

Не было торта, мама приготовила его любимые блюда, папа сварил лапшу долголетия, они сделали много фотографий, и Нань И загадал желание перед фотографией бабушки.

Тогда мама сказала:

- Хотя настоящий день совершеннолетия будет только в следующем году, давай отметим сейчас, как репетицию.

Только произнеся это, она заплакала, вытирая слезы:

- В следующем году ты поступишь в университет, и день рождения точно не сможешь провести дома.

Нань И тогда подумал, что это не так уж важно. Он отмечал день рождения только ради того, чтобы родители были счастливы.

Для него взросление не вызывало особых чувств. Он никогда не ждал своего 18-летия без родителей рядом, не тратил силы на фантазии об этом, все было пустым.

Поэтому, когда этот момент наступил, он оказался таким неожиданным, таким невыразимым.

Оказывается, он провел его с Цинь Июем.

Если бы он мог написать письмо себе в прошлое, 17-летний Нань И, открывая его, наверняка сделал бы очень интересное лицо.

Три часа ночи.

Он вдруг обрел немного рассудка, закрыл шлюзы в своем сердце, перестал говорить странные вещи и вместе с Цинь Июем доел маленький торт.

У Нань И было много вопросов: как Цинь Июй узнал о его дне рождения? Как он додумался купить торт? Было ли это побегом с подготовкой?

Как ему удалось сохранить этот хрупкий торт в идеальном состоянии, пока они ехали на мотоцикле?

Зачем он решил отметить с ним день рождения?

Делал ли он так же для других? Как когда он прятался в горах Юньнани, играя с местными детьми и отмечая праздники.

Ни один из этих вопросов он не задал, словно на него тоже наложили заклинание молчания.

Цинь Июй выучил только жест «С днем рождения», остальное он написал в сообщениях.

[Цинь Июй: Как? Вкусно?]

[Цинь Июй: Я не знал, какой торт ты любишь, но этот торт из хурмы очень вкусный, хотел, чтобы ты попробовал.]

[Цинь Июй: На самом деле, нужно было позвать Янь Цзи и Чи Чжияна, но они, наверное, уже спят, да и торт слишком маленький, на всех не хватит.]

[Цинь Июй: Тебе нравится?]

На самом деле, Нань И уже много лет не ел торт. Все сладости он ненавидел, в начале родители все же покупали их, и он через силу ел, чувствуя привкус крови.

Позже он признался, и с тех пор на его днях рождения больше не было тортов.

Глядя на ожидающий взгляд Цинь Июя, он кивнул.

- Очень вкусно.

Это не было ложью, даже он сам удивился.

Торт был сладким, с насыщенным вкусом хурмы, очень осенним. Не было запаха крови, его не тошнило, наоборот, он вспомнил детство.

Когда бабушка еще была жива.

С Цинь Июем всегда было трудно объяснить что-то, исходя из имеющегося опыта, к этому он уже привык.

Съев последний кусочек, Нань И опустил глаза и увидел новое сообщение от Цинь Июя.

[Цинь Июй: Отлично.]

Он положил вилку и еще раз серьезно сказал:

- Спасибо.

Но Цинь Июй указал указательным и средним пальцами на свои глаза, словно прося Нань И повторить, глядя на него.

В комнате было темно, он не мог разглядеть лицо Цинь Июя, не слышал его голоса, только какие-то тонкие ощущения витали в воздухе.

Он интуитивно искал глаза Цинь Июя, словно пытаюсь найти звезду в ночном небе, встретился с ним взглядом на секунду, затем опустил глаза и, согнув большой палец, еще раз сказал «спасибо» на языке жестов.

- Я пойду в душ.

Оставив бумажную тарелку, он встал и заметил мини-сэмплер, который случайно задел. Он уже хотел взять его, но Цинь Июй опередил его.

Ладно. Он один пошел в ванную.

Когда он вышел, Цинь Июй уже спал на кровати, но его волосы еще не были высушены, они были влажными и более кудрявыми, чем обычно. Пижамы были светло-голубой, похожей на летнюю школьную форму.

Умение засыпать за секунду всегда было его талантом, особенно после того, как он провел всю

ночь за написанием песни и не спал весь день. То, что он продержался до сих пор, было чудом.

Проходя мимо его кровати, Нань И поднял тонкое одеяло с пола и накрыл его.

В едва уловимом аромате сливок он проверил почту, достал кошелек, вынул зажатую там водоросль, затем открыл запертый ящик и достал блокнот. Он пролистал его, и страница остановилась на одном месте.

Там лежала засохшая хрупкая водоросль, корни уже потеряли ярко-зеленый цвет, но цветы все еще были прозрачными, как крылья цикады.

Он не знал, сколько людей в мире знают, что водоросли могут цвести, может быть, много, в этом нет ничего особенного.

А Цинь Июй? Он дважды прыгал в одно и то же озеро, дважды подбирал одну и ту же водоросль, дважды дарил ее одному и тому же человеку.

Это можно считать особенным?

Нань И понял, что снова погрузился в бессмысленные размышления. Это было пустой тратой времени, слишком странно. После встречи с Цинь Июем его мозг постоянно выходил из-под контроля, словно вдруг осознав, что это тело, с которым он сосуществовал столько лет, не принадлежало ему.

Он попытался остановиться, вернуться к реальности.

Поправив очки, он подрезал цветущую водоросль, разгладил каждый лепесток и положил ее рядом с прошлой.

Свежая и засохшая лежали рядом, переплетаясь, как и этот загадочный день, когда он собственными глазами увидел, как история повторяется, и на собственном опыте ощутил, что «время – это иллюзия».

Прошлое и настоящее происходили одновременно в одном пространстве, прошлая водоросль и нынешняя были пойманы в одном озере, сорваны одним человеком.

Думая об этом, он вдруг что-то осенило. Чтобы ухватить эту мысль, он оторвал листок бумаги и записал обрывки, пришедшие ему в голову, каждая строка заменяла напевы мелодий Цинь Июя, обретая форму.

Разве это не та «зацепка», которую он искал?

За несколько минут он своими словами связал разрозненные тексты Цинь Июя и закончил песню. Положив ручку, он повернулся и увидел, что Цинь Июй все еще спит на кровати, очень спокойно. Это был первый раз за много дней, когда он спал так мирно, не двигаясь.

Покажу ему завтра.

Поддав возбуждение после творчества, как и в предыдущие дни, он привел все в порядок, поставил телефон на стол, настроил угол записи.

После последней записи о лунатизме он покажет это Цинь Июю.

Лучше всего посоветовать ему обратиться к врачу, пройти лечение, иначе его собственный сон

будет под угрозой.

Лежа в постели, закрыв глаза, Нань И попытался очистить мысли, но снова вспомнил, как Цинь Июй говорил о потерянной школьной форме.

Сонливость, как толстое одеяло, постепенно окутала его, и в момент, когда сознание начало погружаться, он перенесся в лето третьего года средней школы, в тени деревьев, среди шума цикад. В ночь, когда Цинь Июй праздновал его совершеннолетие, ему приснился день совершеннолетия Цинь Июя в старшей школе.

Несмотря на серьезный проступок за драку и странный характер, его выдающиеся академические успехи и перевод из престижной школы в Пекине, где он мог войти в топ-50 провинции, все же давали ему некоторые привилегии.

По крайней мере, он мог без объяснения причин взять отпуск перед экзаменами и самостоятельно вернуться в Пекин, чтобы присутствовать на выпускной церемонии Цинь Июя.

В тот день в Пекине было жарко, горячий воздух, поднимающийся от асфальта, искажал пейзаж, каждый казался лишенным энергии, словно лето лишило их позвоночника. Нань И держал сумку с чистой и аккуратно сложенной школьной формой. Он молча смотрел в окно, хмурясь.

Неизвестно, была ли это особенность организма или последствия детской травмы, но каждый раз в транспорте его сильно укачивало. Тошнота и рвота были обычным делом. В тот день он терпел дискомфорт, долго ехал, чтобы вернуться в школу. Как раз было время послеобеденных занятий, вокруг было много студентов, целое море школьной формы.

Нань И был среди них, как черная канцелярская кнопка.

Боясь, что его остановят, он надел форму Цинь Июя и легко смешался с толпой.

В тот день он чувствовал себя особенно ошеломленным и растерянным. Хотя он уехал не так давно, все вокруг казалось чужим. Студенты последнего курса уже прошли церемонию совершеннолетия и группами фотографировались на фоне знаковых мест кампуса. Он прошел через учебный корпус, через Озеро Зеркал и остановился под магнолией, погруженный в свои мысли.

Тени деревьев мягко покрыли его и эту куртку, наконец давая ему немного знакомого чувства. Услышав знакомый голос, Нань И посмотрел в ту сторону. Это был Чжоу Хуай, близкий друг Цинь Июя. Он держал в руках фотоаппарат и искал кого-то, чтобы сфотографироваться.

Его ноги невольно понесли его вперед, но он никак не мог найти того, кого искал. Через десять минут ученики класса 9-3 собрались у учебного корпуса, выстроились в четыре ряда и вместе с несколькими учителями сделали памятное фото.

Кто-то крикнул:

- А что делать, если Цинь Июй не пришел?

Этот голос был таким громким, что резал слух.

- Эй, оставьте для него место, потом его прифотошопим!

- Ха-ха, отличная идея!

- Этот парень сейчас занят подписанием контракта, он станет рок-звездой!

Все закончилось ничем, он вернулся с пустыми руками.

Ничего не осталось.

На обратном пути Нань И, завернувшись в свою школьную форму, крепко заснул. Проснувшись, он вернулся в прибрежный город, где поселились его родители, в новую лапшичную мамы, с мрачным лицом.

Увидев его, мама отложила все дела, подошла, вытерла руки и погладила его по лицу, спросив, почему он выглядит таким бледным.

Нань И сказал, что не знает, но в тот же день у него поднялась температура, и он серьезно заболел. Накануне экзаменов он внезапно выздоровел и бодро вошел в экзаменационный зал.

Все было так странно, как во сне. На границе реальности и сна висела только школьная форма, долго источая аромат цитрусовых.

Запах становился все сильнее.

Все ближе.

Словно прямо перед глазами.

Обостренное обоняние заставило Нань И проснуться. Он нахмурился, открыл глаза и обнаружил, что Цинь Июй сидит на корточках у его кровати, подбородок на краю кровати, и смотрит на его лицо своими темными глазами.

Точнее, на его глаза.

Нань И давно заметил, что Цинь Июю нравится смотреть на его глаза. Это, казалось, было подсознательным действием. Если бы это был кто-то другой, он бы давно не выдержал, но Цинь Июй... он не вызывал такого дискомфорта.

Но в этот момент, возможно, из-за лунатизма, его взгляд был не таким, как обычно - не улыбочивым и легкомысленным, а сосредоточенным, пристальным, словно он хотел что-то увидеть в его глазах.

Цинь Июй смотрел некоторое время, затем внезапно опускал голову. Раздавался шорох - звук ручки, скользящей по бумаге.

Нань И нахмурился, поднялся на локтях и увидел, что на коленях Цинь Июя лежит блокнот, который он использовал днем для записи текстов песен, но теперь он рисовал в нем.

Его рисунки по-прежнему были ужасны. Нань И сел на край кровати, взял очки с тумбочки, надел их и наклонился ближе. В тусклом свете он с трудом различал очертания.

Это собака? Нань И не был уверен, наклонился еще ближе, макушка его головы почти касалась носа Цинь Июя.

Зубы острые, уши высоко подняты, выглядит свирепо.

Кажется, это волк, хотя и смешной.

Не понимая, как можно, глядя на человека, нарисовать хищника, Нань И рассмеялся и намеренно протянул руку, коснувшись кончика ручки, чтобы помешать его творчеству.

Внезапно он почувствовал, как что-то коснулось его макушки, и теплое дыхание окружило его.

Цинь Июй ткнулся носом, а затем, как настоящее животное, начал обнюхивать.

Странно. Нань И неловко отодвинулся.

Сегодня Цинь Июй тоже был странным. Обычно, когда он лунатил, он бормотал что-то невнятное, как заклинания, но сегодня был особенно тихим, словно помнил о наказании молчанием.

Он просто смотрел на него, подняв лицо.

Возможно, потому что он знал, что он лунатит, Нань И тоже стал более раскованным, не уклонялся, как обычно, а смотрел в ответ в эти черные глаза, без всяких ограничений.

Ночь была тихой, как вода, только секундная стрелка часов тикала, капая в воду, создавая круги, расходящиеся во все стороны.

Ресницы Цинь Июя были длинными и густыми, слегка выющимися, как и его волосы, но они часто выпадали, попадая ему в глаза. Поэтому он постоянно тер глаза.

Думая об этом, он действительно прищурился, несколько раз моргнул. Через некоторое время он опустил голову и инстинктивно начал тереть глаза.

В этот момент Нань И почувствовал что-то удивительное, словно мир на эти несколько секунд управлялся идеализмом, а спящий Цинь Июй контролировался его сознанием.

Глаза снова покраснеют.

Он схватил руку Цинь Июя, которая беспорядочно терла глаза, отвел ее и другой рукой приподнял подбородок Цинь Июя, приблизившись.

Действительно, это ресница.

Цинь Июй просто лежал, подняв лицо, с пустым взглядом, с легкой растерянностью, которая проявлялась только во сне, позволяя ему приблизиться, настолько покорно, что даже Нань И почувствовал себя неловко.

Но как только он подул, его рука резко была схвачена.

С глухим стуком ручка упала на пол, правая рука Цинь Июя крепко сжала его запястье, он встал, левая рука надавила на его плечо. Сила была слишком велика, и все произошло так внезапно, что Нань И с грохотом упал на кровать, вокруг поднялась мелкая пыль, плавающая в слабом свете лампы.

Цинь Июй во сне не знал границ, и его следующий шаг нельзя было предугадать. Нань И смотрел, как он опускается, на очень близком расстоянии, глядя ему в глаза.

Это внезапное приближение полностью ошеломило его, не говоря уже о сопротивлении, даже

дыхание на мгновение остановилось. Рука, сжимавшая его запястье, внезапно разжалась, поднялась, беспорядочно касаясь, даже очки сдвинулись. Кончики пальцев с мозолями наконец коснулись уголка глаза Нань И.

Тепло, жарко. Грудь Нань И начала быстро подниматься и опускаться. В этот момент он вдруг вспомнил сцену, как уходила бабушка, она тоже так нежно касалась его век.

Нос защекотало, перед глазами Нань И появилась белая дымка, осевшая на линзах очков и в его глазах. Боль из памяти вырвалась наружу, он инстинктивно начал сопротивляться, пытаясь оттолкнуть Цинь Июя, чтобы перевести дыхание.

Но в следующую секунду Цинь Июй прижался лбом к его лбу. Горячо, кожа была горячей, так же как скулы и дыхание.

Он словно действительно превратился в животное, не знающее человечности, грубо сдвинул очки носом, очки поднялись, и он тоже поднялся, сопротивляясь попыткам Нань И вырваться. На этой черной односпальной кровати разыгрывалась немая борьба.

Что сделает лунатик, никто не может предсказать.

В следующую секунду он поцеловал Нань И в глаза.

Этот момент словно погрузился в вакуум, Нань И замер под ним, потеряв все силы для сопротивления, только хмурясь, растерянно глядя на лицо Цинь Июя.

3:52 утра, момент окончания 16-часового молчания.

Цинь Июй, всегда любивший нарушать правила, во сне неосознанно соблюдал их, и только в этот момент наконец заговорил. Его губы слегка приоткрылись, издавая невнятное, заклинательное бормотание.

Затем он ласково ткнулся носом в нос Нань И и поцеловал его в губы.

Слух, казалось, отделился от других чувств, и с опозданием, в белой пустоте, смешанной с звуками воды, Нань И разобрал содержание этого бормотания.

[Смотри на меня.

Смотри на меня...] - бормотал он.

Заметки от автора:

Нань И на следующий день:

Снаружи: Спокоен.

Внутри: Из-за того, что пятая запись лунатизма была уничтожена, у него обострилась одержимость порядком, он потемнел ()

Цинь Июй на следующий день:

Свеж и бодр (так сладко спал (●°u°●))

<http://bllate.org/book/14694/1313155>